

Я
НЕ НАВИЖУ
ее

МЭРИ
Фойс

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Бывшая

МОЕГО БРАТА

18+

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й   Л Ю Б О В Н Ы Й   Р О М А Н

Мэри Ройс

Бывшая моего брата.

Я ненавижу ее...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70238527
SelfPub; 2024*

Аннотация

– Детка, ты наверное не в курсе... в общем, Хаким вернулся. Мое сердце замирает, затем бьется быстрее. – А мне-то что? – очень стараюсь, чтобы голос звучал ровно. – Зайдет сегодня на кофе. – Не понимаю, зачем ты мне все это говоришь. – Просто предупредила. Знаю ведь, как ты... – Мама, – обрываю ее и заставляю себя улыбнуться. – Я была наивной и глупой. Забудь. Прошло уже пять лет. С той семьей меня больше ничего не связывает. Когда-то этот мужчина был моим наваждением, а я девушкой его младшего брата, которую он возненавидел. И я сама дала повод. Та ночь стала моей ошибкой, потому что я провела ее в одной постели с Хакимом Айдаровым. ХЭ

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Мэри Ройс

Бывшая моего брата.

Я ненавижу ее...

Пролог

– Аль, протри бокалы. – Второпях вручает мне коробку мама. – И на стол их сразу...

– Диля, давай скорей! – уже в пятый раз недовольно кричит папа, ожидающий ее в машине.

– Так, все, морковка, я побежала! – Целует меня в макушку, а потом в манере «злой феи» грозит пальцем: – Смотри, чтобы тут порядок был.

Я едва держусь, чтобы не закатить глаза, но вместо этого, придерживая коробку, поднимаюсь на носочки и чмокаю ее в щеку.

– Все будет в порядке, не переживай!

– Господи, как вот вас оставлять? – Мама, которая, как обычно, не может обойтись без сантиментов, обнимает меня, шмыгая носом. – Будьте умничками. За старшеньким приглядывай, знаешь ведь, какой он у нас...

– Диля! – выкрикивает папа, уже кипя от нетерпения, но

мама, даже не глядя в его сторону, отмахивается, вызывая у меня улыбку, которая в следующее мгновение угасает.

– Детка, я не знаю, говорил ли тебе Паша, – мама мнетя, из-за чего у меня появляется нехорошее предчувствие, – в общем, Хаким вернулся.

Что-то ломается в моей груди, но я панически быстро заглушаю этот звук собственным голосом:

– А мне-то что, – вылетает слишком резкий ответ, и я тут же делаю спасительный вдох, чувствуя, как внутри все падает и катится в тартарары. Хочется исчезнуть оттого, что сдала себя с потрохами всего лишь одним предложением. Ну а что я могу поделать, когда от одного проклятого имени дышать становится трудно? И, конечно же, от мамы не ускользает моя реакция.

Погладив меня по щеке, она лишь обреченно вздыхает и добавляет шепотом:

– Придет сегодня поздравить старого друга.

Не в силах смотреть маме в лицо, отворачиваюсь и ставлю коробку с бокалами на стол, боясь, что дрожащие руки подведут и я уроню все на землю.

Даю себе секундную передышку, а затем, прикусив изнутри щеку, поворачиваюсь к родительнице.

– Не понимаю, зачем ты мне все это говоришь, – очень стараюсь, чтобы голос звучал ровно. – Это Пашин праздник, он может звать кого угодно.

Какая же я лгунья.

И мама знает об этом лучше, чем кто-либо.

Смотрит на меня с теплотой во взгляде и в то же время безнадежно. Помнит ведь, как молилась Богу, стоя на коленях возле рыдающей дочери. И я помню. Хотя все бы отдала, чтобы забыть. И его в том числе.

– Просто предупредила. Знаю ведь, как ты...

– Мама, – обрываю ее и заставляю себя улыбнуться. – Я была маленькой и глупой девочкой. Все изменилось. Прошло пять лет. И с той семьей меня больше ничего не связывает.

Ей приходится поверить мне и ответить на мою улыбку понимающим:

– Дай-то бог, милая. – Мама нежно целует меня в лоб и вдруг громко взвизгивает, пугая меня, прежде чем я понимаю, что происходит.

– Невыносимая женщина, – возмущается папа, подкидывая лежащую на его плече маму и заставляя ее громко ахнуть. – Мы уехали, – отец подмигивает мне, а уже в следующую секунду направляется к машине, пока мама пытается оказать сопротивление, возмущенно колотя его по спине. Но он с легкостью запикивает ее в такси и на прощание посылает мне воздушный поцелуй.

– Удачного вам полета. Напишите, как доберетесь! – выкрикиваю и тоже отправляю ему поцелуй, не в силах скрыть широкую улыбку и мечтая о том, чтобы мне достался такой же мужчина, какой и моей маме.

Подцепив коробку с фужерами, я уже собираюсь направиться в беседку, как вздрагиваю от...

– Тридцать лет вместе, а ведут себя как дети, – раздается откуда-то сбоку ворчание брата, а потом показывается и сам Пашка. Обнимает меня, закинув руку на мое плечо.

– Завидуешь? – поднимаю голову, смотрю на него и вижу, как он закатывает глаза, фыркая в ответ:

– Рано мне еще завидовать.

– Ну да, тридцать – не повод остепениться.

– Молчи, мелкая. – Брат забирает из моих рук коробку с фужерами. – Сейчас Хаким ненадолго заедет. Кофе нам сделаешь?

Мое сердце замирает, но только для того, чтобы забиться быстрее.

Секунда, две, три – и меня разносит в щепки ударная волна противоречивых эмоций. Но потом я цепляюсь за единственное слово, которое меня успокаивает: ненадолго...

– Он не останется? – спрашиваю с надеждой в голосе, а в груди уже расплзается облегчение.

– Нет, прикинь, да?! Пять лет не виделись, и даже не останется на юбилей старого друга. В работе весь, бизнесмен, блин, – с насмешкой подстегивает брат.

– Угу. Тебе тоже стоит попробовать как-нибудь.

Прищуривается в мою сторону.

– Ты чего такая?

– Все нормально, – отмахиваюсь я, – иди отнеси все в бе-

седку, а я сварю кофе.

Нервно улыбнувшись ему, убегаю на кухню, чтобы спрятать свои эмоции в стенах родного дома. Не думала, что снова увижу этого мужчину. Когда-то Хаким Айдаров был моим наваждением, а я – девушкой его брата, которую он возненавидел. И я сама дала ему для этого повод. Только теперь меня больше ничего не связывает с их семьей, кроме воспоминаний об одной ночи, ставшей моей самой глупой ошибкой.

Глава 1

Быстро поставив турку с кофе на плиту, гремлю чашками, изо всех сил стараясь не думать о нем и в то же время пытаюсь подготовиться к этой встрече. Боже... опираюсь ладонями на стол и качаю головой. А я ведь надеялась, что после столь долгого затишья проклятый гром больше не грянет. Но он грянул...

– Здравствуй, Алевтина, – раздается позади до боли знакомый голос, отчего мое тело вмиг леденеет, а дыхание спирает, и я на секунду теряюсь с ответом, не находя в себе сил даже повернуться.

Такой холодный, как и в тот день... Ничего не изменилось, он по-прежнему презирает меня. И я тоже отвечаю ему взаимностью. Снова.

– За несколько лет забыла, как проявлять гостеприимство?

От насмешки в его тоне внутри все сжимается, но я заставляю себя сделать спасительный вдох и медленно обернуться. Вот только стоит мне столкнуться со взглядом, к которому у меня так и не появился иммунитет, я тут же будто получаю удар под дых, и мое сердце падает в темную бездну.

– Привет, – едва слышно вылетает из меня, и я сглатываю, цепляясь пальцами за края столешницы, потому что не до-

веряю своим ногам.

Повисает та самая неловкая для меня пауза, и я зачем-то разглядываю его. Изменился. И очень. Стал шире в плечах и в груди, мышцы которой я вижу даже под белоснежной рубашкой. Теперь он кажется еще более серьезным, а лицо будто стало суровее, как и серо-голубые глаза, сверкающие холодом и безразличием, а может, презрением. Даже одет в костюм. А ведь раньше терпеть их не мог. Официальный весь такой, но ему идет. Так же, как и прическа: волосы стали длиннее и слегка выются на концах. Сжимаю пальцы в кулак, пытаюсь не представлять, каково это – ощутить их мягкость.

– Ты изменился, – кусаю себя за губу, умоляя заткнуться.

Ни к чему все это.

И слишком быстро убеждаюсь в своей правоте, вновь обжигаясь о его холодность.

– Паша дома?

Ну вот как ему легко удастся быть таким... От раздумий меня отрывает убегающий из турки кофе, и я тут же бросаюсь к плите, ну и по классике жанра мои неуклюжие руки проявляют свое мастерство именно перед Хакимом. Правда, экстренная ситуация помогает мне не смутиться. Жаль, что ненадолго...

Снимаю турку и обжигаю палец, тут же зажимая его зубами, чтобы притупить боль. Часть кофе проливается на столешницу, а из-за дымящейся плиты воздух наполняется запахом гари. Отлично.

А потом происходит то, что обжигает меня хуже кипятка. Хаким берет мою руку и тянет на себя, вынуждая отпустить припухший и покрасневший палец. Волдырь все равно надулся...

– А ты все такая же неуклюжая, Алевтина.

И почему-то так больно мне становится от его слов, что я выдергиваю руку и, наплевав на боль, быстро разливаю кофе по чашкам, а затем, наспех вытерев столешницу, пускаюсь прочь.

Вечер еще даже не начался, а я уже сыта им по горло, но мне стоит радоваться тому, что этот черствый сухарь не останется на празднование, а пока он здесь, я вполне могу притвориться спящей красавицей.

***

Перемотав пострадавший палец пластырем, я сажусь на подоконник и решаю провести в комнате как можно больше времени.

Спуститься вниз сейчас будет равносильно самоубийству. Ну или все закончится вновь растоптанной самооценкой.

«Все такая же неуклюжая...» и еще вот это вот его «Алевтина»! Бесит! Только он использует полную форму моего имени. И таким тоном, что тошно становится.

За несколько минут этот сноб успел продемонстрировать всю свою многолетнюю неприязнь, словно все пять лет он специально копил ее в своей широкой груди, чтобы вылить

на меня при первой встрече. Да мне одного взгляда хватило. И это я еще вовремя ушла. Уверена, проведи я с ним чуть больше пяти минут, он бы сделал так, чтобы сегодня ночью я рыдала в подушку. Только хрен ему. Однажды я уже пообещала себе, что больше не пролью по нему ни одной слезинки, ни одной капельки. Даже ругаю себя, что убежала как трусиха. Хотя могла дать ему отпор. Могла же?

Вот только не сделала это по одной простой причине: обида из-за его презрения была настолько сильной, что, раскрой я рот, расплакалась бы и унизила себя еще больше. Поэтому мне было проще спрятаться за горькой яростью, которую я направила на оттирание стола и плиты, после чего быстро налила проклятый кофе и исчезла. Конечно же, останавливать меня никто не собирался. И меня злит еще больше, что где-то в глубине души мне бы этого хотелось.

Вот что я за дурочка?

Столько лет прошло, а стоило увидеть его, как все полетело в тартарары.

Ударяюсь лбом о стену и качаю головой. Вот зачем он вернулся?

Мне нужно успокоиться. Я не должна позволить своему сердцу снова стать рядом с ним зыбким. Да его и не будет рядом! Эта встреча нелепость! Хаким заехал только на кофе, и раз он весь в работе, то и в городе надолго не задержится. Я просто надеялась, что мужчина, который когда-то сломал мне крылья, останется в прошлом. Но у прошлого есть одна

плохая привычка. Порой оно настигает тебя, когда ты его совершенно не ждешь. И я не ждала, однако кого это волнует?

Мои мысли прерывает шум музыки на улице, а за ней и улюлюканья с криками и поздравлениями.

Ну вот и все. Праздник начался, а значит, Хаким уехал. С облегчением выдыхаю и, спрыгнув с подоконника, выхожу из комнаты.

Хакима нет, и мне больше не о чем беспокоиться. Это я говорю своим подрагивающим пальцам. Если честно, меня всю потряхивает. Нервы по-прежнему на пределе. Потребуется время, чтобы их успокоить. Или бокал шампанского. Возможно, я так и сделаю.

Обреченно вздохнув, качаю головой, потому что мое сердце тоже все еще болит после той встречи. И я не хочу называть это тоской... Боже, я, должно быть, выглядела полной идиоткой.

С этой мыслью я захожу на кухню и обнаруживаю две пустых чашки. Взяв их, несу в раковину и быстро ополаскиваю, но не успеваю закончить, потому что в кармане шорт внезапно вибрирует телефон. Не выключая воду, я вытираю одну руку и достаю гаджет.

И лучше бы я этого не делала.

Костя: «Привет, детка. Я сегодня не приеду, парни в баню позвали, так что не жди. Поздравь от меня брата».

Супер! Отлично! Козел!

Я закипаю, как чайник, но печатаю, разумеется, совер-

шенно другое.

«Хорошего отдыха, парням привет».

Швыряю телефон на стол и, громко выдохнув, возвращаюсь к мытью посуды, пытаюсь выместить все свое раздражение на белой керамической чашке. В баню он поедет. С парнями. Знаю я, как они там отдыхают. Наверняка будет девушка Стаса со своей подругой. От этой мысли ревность оборачивается огнем и грозит прожечь мою грудную клетку. До сумасшедшей любви у нас с Костей, конечно, еще не дошло, всего полгода вместе, но сам факт, что он обещал приехать, а вместо этого свалил с друзьями, жутко бесит.

– Я смотрю, ты быстро нашла замену моему брату, – усмеяется голос из прошлого, и я замираю, прежде чем сердце сжимается от ужаса. – И какой это по счету?

Нервно сглотнув, дрожащей рукой ставлю чашку на полку и несмело оборачиваюсь. Но как только вижу Хакима, в руках которого мой телефон, недавняя растерянность сменяется гневом. Особенно когда я обращаю внимание на то, во что он одет. Пашкины шорты и футболка. Что это вообще значит?! Он остается? И ведь даже не смотрит на меня, с совершенно невозмутимым видом листая **МОЮ** переписку с **МОИМ** парнем. Возможно, уже бывшим.

– Положи на место, – предупреждаю немного гулко. Дрожь снова берет верх, и я боюсь показать ему свою реакцию.

А когда понимаю, что моя просьба вызывает лишь холод-

ную улыбку, бездумно срываюсь с места и выхватываю из его рук телефон. По крайней мере, пытаюсь это сделать, но он поднимает его выше, и, потеряв равновесие, я утыкаюсь носом в твердую грудь. Нет, нет, нет... Секунда, и я отшатываюсь от него как от огня, вот только поздно: аромат дорогого парфюма с древесными нотками уже достиг моих легких и устроился там в одном из уголков.

– Попроси по-хорошему, Алевтина.

Мои глаза округляются, и я не могу сдержать удушливый смешок.

– Я смотрю, за несколько лет ты тоже забыл, что такое правила приличия!

Уголок его губ дергается в подобии ухмылки. И это настолько жестокая эмоция, что мне хочется укрыться от нее.

Особенно когда я слышу сухое:

– До тебя мне еще далеко.

В этот момент прямо из глубины глаз Хакима на меня смотрит холодная насмешка.

– Пошел ты! – Вырываю свой телефон из его рук и, заблокировав, засовываю в задний карман шорт. – И не называй меня так!

– Как?

– Ты знаешь как, Айдаров!

– Ты что-то имеешь против полной формы своего имени?

А я думал, ты повзрослела, – Хаким тихо хмыкает, выпячивая нижнюю губу, после чего продолжает циничным то-

ном: – Твои подростковые комплексы уже неуместны, Алевтина, – качает головой, безразлично засовывая руки в карманы шорт. Намеренно или нет – не знаю, но ему удастся смутить меня, потому что, проследив за его движением, я задерживаю внимание на том месте, куда мои глаза должны смотреть в последнюю очередь. Судорожно сглатываю, наткнувшись на спокойную выпуклость, и даже закусываю губу, умоляя жар не разрастаться под моей кожей. Но мало того, что он начинает душить меня изнутри, так еще и предает, выбираясь на шею, выше, прямо к моим щекам. И я ненавижу себя за то, что отрываю взгляд, только когда слышу: – По правилам этикета собеседнику полагается смотреть в глаза.

Прикусываю язык от неловкости всей ситуации, мечтая и вовсе откусить его. Было бы совсем кстати, если бы я лишила себя возможности говорить и уж тем более вестись на все эти провокации. Я вообще не понимаю, какого черта он разговаривает со мной? Стоит здесь в одежде моего брата. Трогает мои вещи. Читает личные переписки. И даже оскорбляет меня в моем же доме. Что этот сноб о себе возомнил?

Впервые с тех пор, как Хаким уехал, я хочу, чтобы он сделал это снова. Прямо сейчас. Впервые за все эти годы я понимаю, что ошибалась. Я не скучала. Просто не могла скучать по такому подонку. Я не должна была – не после того, как он со мной поступил. У меня даже закрадывается мысль, что он вернулся только затем, чтобы снова разрушить меня. Нет, я уверена в этом. То, как Айдаров смотрит на меня сво-

ими проклятыми глазами, которые сейчас напоминают цвет асфальта после дождя, не позволяет мне усомниться в его жестокости. Может быть, не сегодня. И не завтра. Но эти глаза обещают мне, что я пожалею о случившемся больше пяти лет назад. О том, о чем я и без напоминаний сожалею все эти годы. Только вот ему об этом, конечно же, неизвестно.

Нервно облизываю губы и прочищаю горло, прежде чем произнести:

– Если ты приехал сюда затем, чтобы поиздеваться надо мной, то советую не тратить время. – Горжусь собой, когда, закончив, понимаю: мой голос не дрогнул. Но для пущей убедительности вздергиваю подбородок. Я сражусь с его безразличием, пусть не надеется, что я убегу. Этого больше не будет.

– Не все в этом мире вертится вокруг тебя, Алевтина, – Хаким ухмыляется с привычной холодностью. — Я приехал повидаться с твоим братом.

Ну конечно!

Я закипаю, чувствуя, как мои пальцы сжимаются с такой силой, что в ладонь врезаются ногти.

Но от очередной глупости меня спасает...

– Вот вы где! – Паша приближается и закидывает руку мне на плечо, в то время как я прожигаю взглядом Айдарова. На самом деле прожигаю. Потому что сейчас он бесит меня как никогда прежде. – Я вижу, вы уже поздоровались. Ну как тебе, Хаким, Аля? – Брат переходит на его сторону. – Ты

посмотри, как раскачался, – хлопает ладонью по груди друга, но смотрит на меня. – Еле натянул мои шмотки, Годзилла бизнеса.

– Угу, – бурчу я, на что Хаким лишь дергает уголком губ. Мне нужно как можно скорее уйти от всего этого, поэтому говорю первое пришедшее в голову: – Я так понимаю, будет на одного человека больше?

– Верно мыслишь, мелкая, – Пашка щелкает языком, подмигивая мне.

– Прекрати меня так... – бурчу, – называть.

Паша хохочет и, протянув руку, взъерошивает волосы на моей макушке, за мгновение приводя в бешенство, пока я пытаюсь увернуться от него. Наконец делаю это, изо всех сил шлепая его по руке, а следом и вовсе отталкиваю, раздраженно приглаживая волосы.

– Не будь придурком!

Я просто молю, чтобы этот день скорее закончился.

– Ладно-ладно, не злись, лучше приготовь приборы для еще одного гостя.

– И кофе, – добавляет Хаким, а мой взгляд снова оказывается на его дерзких губах. – Если тебя не затруднит.

Затруднит. И очень! Но, разумеется, я этого не говорю, а всего лишь натягиваю улыбку, мечтая провести ногтями по его выступающим скулам. До кровавых борозд, точно таких же, какие он оставил на моем сердце.

– Конечно!

Не дожидаясь провокаций ни от одного, ни от второго, разворачиваюсь и иду к шкафам, улавливая лишь звуки смешков Паши и удаляющихся шагов. А когда разворачиваюсь, убеждаюсь, что парни ушли.

Прерывисто вдохнув, я упираю руки в бока и запрокидываю голову.

Вот почему он передумал?! Зачем остался?

Аля, только не вздумай воображать, что он остался ради тебя. Ты не настолько глупа.

Если только ради того, чтобы испортить вечер. В это я еще поверю.

С этими невеселыми мыслями я варю ему кофе. Налив в чашку, беру ее в руки и вместе с остальной посудой несу на праздничный стол. Надеюсь, он будет сидеть на самом далеком от меня месте.

А когда захожу в беседку, понимаю, что переживать не о чем. Ему есть с кем развлечься. Конечно же, все курицы сразу собрались вокруг главного петуха, и мне требуются все усилия, чтобы не опрокинуть эту чашку прямо ему на голову. Как он сказал? Все такая же неуклюжая? Может, стоит продемонстрировать ему свою неуклюжесть?

Но в этот момент я чувствую, как кто-то сильно толкает меня в спину и происходит непоправимое... Я дергаюсь вперед, спотыкаюсь, руки машинально взлетают вверх, чашка с кофе, благо не таким уж горячим, опрокидывается, жидкость выплескивается мне на грудь и частично на лицо. Ре-

акция тела – защититься, стряхнуть с себя опасность – однозначна и следует незамедлительно, но этим я делаю только хуже, и вся посуда валится из рук на плитку, разбиваясь с дребезгом, подобным чувству стыда у меня в животе. Секунда, и оно подпрыгивает к горлу, вызывая рвотный рефлекс. С трудом сдерживаю порыв, смахивая с груди остатки кофе и улавливая чье-то аханье и даже слова сочувствия. Все это с запозданием доносится до моего растерянного мозга, а затем я сталкиваюсь с холодной насмешкой в глазах Айдарова и мечтаю провалиться сквозь землю. Вот за что мне все это?!

– Аля! Блядь! Прости! Ты не поранилась?

Паша хватает меня за плечи и быстро разворачивает, спасая от минуты позора и начиная осматривать.

– И-извини... – пытаюсь остановить брата. – Я все уберу...

– Ну ты чего как дурочка, Аль? За что хоть извиняешься-то? Иди переоденься. Сильно обожглась?

– Нет, – растерянно мотаю головой. – Наверное...

– Этому столику больше не наливать.

Раздается ехидный голос какой-то сучки, и, стоит мне найти ее взглядом, я не удивляюсь такой реакции. Алабаева. Она всегда таскалась за Айдаровым, а после случившегося даже не скрывала свою неприязнь ко мне, вот и сейчас стоит позади Хакима, наминая его проклятые широкие плечи и прожигая меня своим высокомерием. Стерва!

Я чувствую, как мои щеки начинают пылать от стыда, а

может, и злости, особенно когда Айдаров, не сводя с меня пронизательных глаз, откидывается на спинку стула и позволяет наманикюренным пальцам Алабаевой опуститься на его выдающиеся грудные мышцы. А что я от него ждала? Что он встанет и проявит сострадание? Заботу? Или поможет укрыться за его спиной от минуты позора?

Нет, никакой человечности от этого сноба ждать не стоит.

Глупая обида захлестывает с головой, и, развернувшись на пятках, я пускаюсь прочь, оставляя позади пытающегося задержать меня брата. Ничего. Там есть кому убраться. Будет повод продемонстрировать альфа-самцу свои упругие задницы.

***

– Ты в порядке? – неожиданно раздается чей-то голос, и я тут же поднимаю голову, встречаясь взглядом со стоящей в дверном проходе Лизой. Застуканная врасплох, быстро меняю свою понурую позу, в которой застыла, как только забежала на кухню и вцепилась в край столешницы.

– Мне показалось, что ты расстроилась, – снова начинает она. – Вот решила проверить, как ты. – Лиза разводит руки и, закусив губу, прячет их за спину. Наверное, это от неловкости, и думаю, она у нас одна на двоих. Заочно мы, разумеется, знакомы, но максимум нашего общения: «привет-пока», «как дела?» или «а Паша дома?». Но, если быть честной, эта девушка в их компании мне симпатичнее остальных.

Их компании...

Мой брат старше меня почти на восемь лет, но, пусть я и вне их тусовки, мне хорошо известно, с кем он водится. Молотова, Айдарова и Худякова так вообще знаю давно: раньше они приходили к нам играть в приставку, а еще, когда родители уезжали, Пашка устраивал с ними небольшие вечеринки, или, затарившись пивом и девочками, они уединялись в бане. Это было даже прикольно – когда у твоего старшего брата много друзей. Заступников всегда хватало. Тогда, кстати, и началось то, что в итоге разрушило меня. Но не будем сейчас об этом.

– Да, – прочищаю горло и улыбаюсь. Искренне. – Я в порядке, просто сегодня не мой день. – Наступает неловкое молчание, и я первой прерываю его: – Так что нет причин для волнений, я даже не поранилась, – в шутку отмахиваюсь. – Возвращайся к ребятам... а я чуть позже присоединюсь.

– О, Паша прав, ты та еще скромница, – тихо и по-доброму рассмеявшись, девушка с пониманием кивает, но уходить не торопится. А я ловлю себя на мысли, что Лиза не только милая, но еще и красивая. Не зря меня посещали мысли, что у них с Пашей есть что-то большее, чем просто дружба. Возможно, именно поэтому она всегда хорошо ко мне относилась. И в очередной раз доказывает свое доброе отношение прямо сейчас.

– Вовсе нет. – Мысленно издаю жалобный стон. – Мне

просто нужно переодеться.

И побыть одной.

– Ребята в волейбол хотят поиграть. – Ох, нечестный ход, братишка. – Давай с нами? В нашей команде как раз не хватает одного игрока.

Волейбол. Боже... я люблю этот вид спорта самой нежной любовью. И я так давно в него не играла. Кажется, целую вечность, ну полгода так точно. К сожалению, с моей работой нет времени не то что на волейбол – даже на перекус. И упускать такую возможность... ну очень не хочется. Я даже не сразу осознаю, что стою и улыбаюсь как дура.

– Ну же, – Лиза игриво выгибает бровь. – Я вижу, что ты хочешь.

Смутившись, прикусываю губу и пытаюсь заставить себя сказать нет, но... это выше моих сил.

– Ну, если вам действительно не хватает игрока, то я за. – Вскидываю ладони. – Только переоденусь.

Победоносно взглянув на меня, Лиза кивает:

– Тогда поторопись. Ребята уже сетку натягивают.

Улыбнувшись подружке своего брата, я разворачиваюсь на пятках и бегу на второй этаж, практически на ходу снимая футболку, а за ней лифчик. Метнувшись в свою комнату, выдвигаю ящик и, найдя спортивный топ, быстро натягиваю его через голову. Благодаря игре в волейбол я особенно полюбила свою маленькую грудь. Никакого дискомфорта! Джинсовые шорты тоже меняю на более удобные, а телефон

оставляю на кровати. Костика все равно сегодня ждать нет смысла, мама до утра не выйдет на связь, так что... незачем таскать с собой вредоносный гаджет.

Ну и конечно, когда я выхожу на задний двор, туда, где по обе стороны от сетки уже формируются команды, я замечаю на противоположном поле Айдарова. В одних шортах, будь он неладен. Поэтому я, сама того не желая, залипаю на кубиках его идеального, черт возьми, пресса с темной порослью внизу. Эта греховная дорожка ведет меня не в ту степь, и я быстро, словно ошпаренная, поднимаю взгляд, но снова спотыкаюсь о его гребаную сексуальность. Широкая грудь, бог мой, с круглыми, выступающими и, даю руку на отсечение, твердыми, как бетон, мышцами, слегка покрытая курчавыми черными волосами. И нет, зрелище совсем не мерзкое. Она выглядит... хорошо. Господи, при взгляде на нее в моей голове возникают порочные мысли, и мне хочется лизнуть ее, как медовую соту. Ох... Качаю головой и на мгновение обречено прикрываю глаза. Кажется, я не в себе! Разозлившись на свои глупые размышления, кусаю язык так, что даже тихо взвизгиваю. Но зато теперь моя кровь бурлит в венах, как минералка, не потому, что этот сноб выглядит будто Адонис. А потому, что я готова надрать ему задницу. Этот раунд точно будет за мной.

Не помню, когда в последний раз ощущала такой азарт. Я едва не смеюсь, видя, как глаза Хакима неизменно вспыхивают холодным раздражением, когда мой мяч касается их

половины поля. Ах, разумеется, я помню: кое-кто не любит проигрывать. Это один из пунктиков Айдарова, уверена, с годами вредности в нем лишь прибавилось. Однако, наблюдая восторг, на протяжении всей игры написанный на лице брата, я терплю присутствие этой высокомерной задницы. В конце концов, он школьный друг Паши, и если мой брат счастлив, что все важные для него люди в сборе, значит так тому и быть. Уж я точно не стану портить настроение имениннику из-за того, что он пригласил кого не стоило. К тому же если бы Айдарову было невыносимо мое общество, как этот сноб усердно демонстрирует, игнорируя меня на игровом поле, то он не остался бы здесь.

Игра проходит весело, но в то же время напряженно, и к концу первой партии мне приходится завязать волосы на макушке, потому что становится невероятно жарко и пряди уже неприятно прилипают к разгоряченной коже. После я определенно отправлюсь в душ. Но даже усталость, липкая кожа и частично испачканная травой одежда не мешают мне чувствовать себя превосходно!

Я могу гордиться собой только за то, что не сдрейфила перед Адонисом и вступила в игру, принеся своей команде победные очки. Ну и еще за то, что одним ударом отправила Алабаеву на скамью запасных, сломав ей ноготок. Чем, собственно, и заслужила от нее гневный взгляд, из-за которого в момент ощутила себя грязной. Но я и вправду грязная, зато счастливая, в отличие от большегубой присоски Айдарова.

Не подумайте, я не мстительная и ни в коем случае ей не завидую, но каждый раз, когда она игриво скользила пальчиками по рельефному прессу Айдарова, приликая своими варениками к его уху, у меня возникало желание хорошенько отделать долбаную сучку. Что я и сделала. Пусть и не совсем намеренно, зато от души.

С таким боевым настроением заканчивается первая партия, и в итоге мы выигрываем с разгромным результатом 25:7. Правда, уже на втором заходе кое-кто психанул, явно поправил настрой своих игроков, и теперь счет матча сравнялся. Тайком виню себя, что все-таки позволила себе отвлечься на тело Айдарова, точнее на его мышцы, которыми он словно нарочно мелькал перед моими глазами. Но я быстро отбрасываю эти глупые мысли, Айдаров толком-то и не смотрит на меня, разве что в моменты, когда ко мне переходит подача.

– Решающий, – подтрунивает Паша, перехватывая мячик, брошенный ему под сеткой.

– Подавай, – с обычным спокойствием парирует Айдаров.

Паша подает, и мы снова разыгрываем мяч. Напряжение нарастает, я полностью сосредоточена на подпрыгивающем шаре. Секунда, и он летит на меня.

– Мой! – выкрикиваю я и, подпрыгнув, бью по мячу с такой силой, что он пролетает несколько выставленных вверх рук и врезается прямо... Ох черт... В лицо Айдарову. Я приношу нашей команде победное очко и устраняю человека, который бесил меня весь вечер. Только вот радости не испы-

тываю. Алабаева тут же оказывается рядом с Хакимом, и в этот момент я замечаю, как из его носа появляется капелька крови. Бли-и-ин...

Паша машет рукой, после чего музыка стихает, а все присутствующие пялятся, как Алабаева осматривает лицо Айдарова.

– Аля, аптечку принеси! – выкрикивает Паша, но Хаким мгновенно перебивает его низким голосом:

– Не надо, я сам. – Айдаров убирает от себя руки Ясины и, зажав переносицу пальцами, направляется к Паше. Они перекидываются парой фраз, которые мне разобрать не удастся, а затем Хаким, хлопнув Пашу по плечу и тем самым говоря: «Все нормально, брат!», – скрывается в доме, оставляя меня стоять под гнетом чувства вины, хотя я знаю, что это случайность!

Смотрю, как Айдаров проходит мимо ребят, а затем скрывается за распахнутой дверью. Мое желание пуститься следом за ним и извиниться балансирует между дрожащими коленями и сердцем, стучащим в груди отбойным молотом. А потом на мое плечо опускается тяжелая рука, и я быстро оборачиваюсь, сталкиваясь с Пашкиной ухмылкой.

– Ну ты даешь, мелкая, – усмехается он, после взъерошивая гульку из волос на моей голове. Я быстро уворачиваюсь и, встав подальше, хмурюсь:

– Ты ведь не думаешь, что я специально попала ему в лицо?

– Нет, конечно, – он тут же успокаивает меня, зная наверняка, что я завожусь. И об этом свидетельствуют мои щеки, что сейчас пульсируют жаром от неловкой ситуации.

Сглотнув, я обнимаю себя в защитном жесте и осматриваюсь, желая убедиться, что никто не обращает на меня внимания. Удостоверившись в том, что ребята уже вернулись в беседку, немного успокаиваюсь и добавляю более тихо:

– Я правда не хотела...

– Да расслабься ты, с кем не бывает. – Паша наклоняется и поднимает мяч, а затем подмигивает мне: – Иди лучше пострадавшему помоги. Рембо волейбола, – усмехается напоследок и направляется к праздничному столу. Уже через пару минут снова включается музыка, и празднование дня рождения продолжается.

– Интересно, – раздается за моей спиной знакомый голос, и я прикрываю глаза. Только не сейчас... – Если бы твой брат знал о вашем с Айдаровым прошлом, позаботился бы он о его лице или добавил бы к ушибу носа еще и перелом?

Резко поворачиваюсь к Алабаевой и сталкиваюсь с ехидной ухмылкой.

– Или ты перестала бы быть любимой сестренкой, узнай Паша, какая ты на самом деле грязная шлюшка? – продолжает она, явно получая удовольствие от того, как ее слова задевают меня. – А если я все-таки скажу ему, что ты оказалась в кровати его друга...

– Прекрати, Ясмина, – я стискиваю зубы, убеждая себя в

том, что она не сделает ничего подобного. – Ты пришла на праздник к моему брату, – голос дрожит от подступающих слез, но я проглатываю их, – так иди и празднуй. Твои угрозы ничего не значат. – Я делаю шаг, кипя от противоречивых эмоций. – И ты не расскажешь ничего по одной простой причине. – Тяжело дышу, но моя смелость придает мне сил. – Хаким не позволит тебе начать то, что мы закончили много лет назад!

Выставив ногу вперед, она дерзко выгибает бедро, складывая руки на груди.

– Ты не нравишься ему, Алевтина. И никогда не нравилась, – высокомерно заявляет Ясмينا, рассматривая мой залепленный пластырем палец и затем глядя на меня так, будто я какой-то гнойный прыщик. – То, что он коснулся тебя тогда, было ошибкой...

– Ошибкой было приглашать тебя в наш дом!

Прошипев это со злостью в голосе, я срываюсь с места и пускаюсь прочь, подальше от суки, которую прямо сейчас мечтаю придушить. Вот только ее угрозы не выходят у меня из головы, как и стервозный смех, стихающий по мере моего быстрого приближения к дому. Однако слишком быстро ярость приглушают слезы, отчаянно норовящие прорваться наружу. Потому что в памяти всплывает та проклятая ночь, когда я едва не сломала жизнь молодому парню. А что касается меня... Моя жизнь в любом случае оказалась бы разбита. Так оно и случилось.

– Мне восемнадцать...

– Будет через год...

Я мотаю головой, чтобы заглушить голоса из прошлого. Нет. Алабаева не расскажет о том, что увидела тогда. Наши родители успели позаботиться о том, чтобы все осталось в узком кругу. И Ясмينا немало заработала на своем молчании. Только поэтому столько лет и не рассказывала никому. Да и не расскажет, если не хочет проблем.

Тогда что на нее нашло? Зачем попыталась укунуть? Ревность? Так ведь Айдаров повода не давал. А я и подавно. Даже если бы мне и захотелось быть искренней с самой собой, не стала бы. Воспоминания о прошлом ни к чему хорошему не приведут. Меня жизнь уже проучила, и один урок я усвоила точно: не у всех чувств можно идти на поводу. Вот и не буду так делать, никогда больше не буду. Забежав на кухню, останавливаюсь и тру лицо, избавляясь от собравшихся в глазах слез.

А затем слышу шорох, доносящийся из ванной, и, шмыгнув носом, следую туда, на ходу обмахивая лицо ладонями. Я только спрошу, не нужна ли помощь, и уйду. Дверь не закрыта, поэтому мне удастся подкрасться бесшумно и дать себе немного времени побыть незамеченной. Айдаров закрывает аптечку и уже собирается убрать ее в шкаф над раковиной, как наши взгляды встречаются в отражении зеркала. Мое сердце сжимается до изюминки, мы смотрим друг на друга целое мгновение, после чего он все-таки открывает дверцу

и разрывает со мной зрительный контакт, от которого моя спина покрылась мурашками.

– Я могу помочь?

Слова вылетают, прежде чем я успеваю убрать из них нотки разочарования. Но даже они не смягчают взгляд Айдарова, когда он поворачивается и парализует меня своим равнодушием.

– Уже помогла.

От досады, кольнувшей меня где-то под ребрами, кусаю губу изнутри.

– Ты ведь понимаешь, что это была случайность? – Прячу руки за спиной и заламываю пальцы так, что причиняю себе боль.

– Чудакова, – выдыхает он, устало растирая переносицу пальцами, – оставь меня в покое. В твоей помощи не нуждаюсь. – Хаким снимает с плеча футболку и ловким движением натягивает ее, после небрежно машет рукой, будто я должна была исчезнуть, пока он одевался. – Иди развлекайся.

Моя грудь вздымается от частого дыхания, и в очередной раз я жалею, что решила с ним заговорить. Вот только тошно становится не от этого... Хаким тоже не испытывает удовольствия от общения со мной. Приблизившись, берет за плечи и силой отодвигает в сторону, чтобы ретироваться из ванной, демонстративно показывая, насколько не хочет находиться в моей компании. Дрожа от злости и какого-то отчаяния, я смотрю ему вслед. Пока одна часть меня хочет

проклинать его за то, что он вернулся, другая... Дышать становится все тяжелее и тяжелее. Нет, я не признаюсь себе в этом!

– Жаль, что мало досталось! – Едва слышно выплевываю в его широкую спину, и сама сбегая из помещения, где воздух отравлен его запахом. Босиком топаю по лестнице. Прямоком в душ. Желая отмыться от всего дерьма, которое сейчас мелкими иглами зудит под кожей. Мне не стыдно. Не стыдно.

***

На часах восемь вечера. Было тридцать две минуты назад. Тридцать три. А я до сих пор сижу в полотенце и таращусь на электронные часы на своей прикроватной тумбочке. Я совершенно не знаю, как заставить себя выйти из убежища и встретиться с человеком, в которого я когда-то была безнадежно влюблена. Все мои инстинкты кричат мне о том, что еще одного столкновения с ледяным айсбергом я не вынесу. Но и просидеть здесь все празднование дня рождения брата, с учетом того что я еще не вручила ему подарок, глупо.

Убедив себя в этом, резко поднимаюсь и на все еще дрожащих ногах подхожу к окну, из которого открывается прекрасный вид на задний двор и ту самую террасу, где сейчас находится большая часть гостей. Но лучше бы я не смотрела туда.

Неожиданный трепетный вздох срывается с моих губ, и я от злости закусываю их.

Потому что слишком быстро мой взгляд находит его.

За жалкое мгновение внутри все замирает, и бывшая решительность начинает меркнуть. Я злюсь сама на себя, что так реагирую на Айдарова. Ну нельзя же так?! Каждый раз замирать перед ним, будто жертва перед хищником. Я уже другая. Пять лет прошло! Я изменилась. Все, что было, осталось в прошлом. Так ведь?

По крайней мере, мне было удобно так думать, пока я надеялась, что не увижу снова его красивое лицо.

Боже, но я увидела его сегодня. И даже не поняла, в какой момент все мои установки заискрились, как в поломанном электрощитке.

Вот и сейчас, когда я со слюной во рту смотрю на то, как Айдаров во всем своем великолепии колет у бани дрова, мой электрощиток окончательно дает сбой. Солнце практически скрылось за верхушками сосен, но мерцающие лучи, просачивающиеся сквозь них, целуют его бронзовую кожу золотыми бликами. Будто нарочно дразнят меня, играя на мускулистом теле, влажной от пота груди и мышцах, напрягающихся всякий раз, когда Айдаров делает какое-либо движение. Периодически он вытирает рукой пот со лба, позволяя мне исподтишка разглядывать тело и шорты, свободно сидящие на крепких бедрах. В какой момент Айдаров подружился со спортом? Меня бесит то, каким он стал.

Не выпуская из рук топор, Хаким дотягивается до полупустого стакана с пивом и жадно допивает остатки золоти-

стой жидкости, а я заворуженно наблюдаю, как дергается его кадык после каждого глотка.

Мне все равно. Мне все равно!

Мысленно убеждаю себя, но его жесткие, четкие и уверенные движения доказывают мне обратное. Будь он неладен. В футболке ему гораздо лучше. Видеть его блестящие от пота грудь и спину выше моих сил. А когда рядом оказывается Алабаева и протягивает ему новый бокал прохладного пива, рев крови в ушах заглушает остатки разума.

Дрожащей рукой задергиваю штору и, скинув полотенце, топаю к шкафу.

Несмотря на вечер, на улице духота, и я не утруждаю себя выбором одежды, натягивая на себя отдельный купальник – пригодится, если решу искупаться или сходить в баню, а сверху фиалкового цвета сарафан. Пытаюсь привести волосы в более-менее приличный вид, но в итоге психую и собираю их крабиком на затылке. Взяв замшевый мешочек, в котором лежит серебряная цепочка для брата, засовываю его в карман и спускаюсь обратно, обещая себе, что проведу время весело и никто не сможет мне помешать.

Поэтому следующие пару часов все идет по плану. Я болтаю с Лизой, пока мы купаемся в бассейне, ем шашлык, пью прохладное шампанское и даже пару раз Паша затаскивает меня на танцпол. В какой-то момент моя установка не искать взглядом Айдарова теряет смысл, потому что мне становится так легко, хорошо и весело, что я совершенно не думаю,

где он и что делает.

Даже сейчас, когда все занимают места за столом, я не ищу Хакима взглядом, просто потому что не хочу портить себе настроение. А потом Паша поднимается и громким хлопком привлекает к себе внимание всех присутствующих.

– Ребят, спасибо вам, что смогли вырваться из рутины и собраться как в старые добрые! – Под свист и улюлюканье Паше протягивают стопку, и он принимает ее, одновременно раздавая пятюни парням, а уже после переключает свой чересчур веселый взгляд на меня. – Если вы не против, – приседает в реверансе, – хочу тост от сестренки! – Брат посылает мне воздушный поцелуй и, подмигнув, прижимает ладонь к груди. – Вставай, мелкая. Я знаю, ты готовилась, – хохочет он, пританцовывая под фоновую музыку.

Смущение слишком быстро переплетается с волнением, и мне становится сложно дышать, не то что говорить. Я не люблю находиться в центре внимания, хотя за сегодняшний день к этому у меня должен был выработаться иммунитет. Наверное, поэтому я делаю глубокий вдох и встаю, сжимая бокал так, что чувствую дрожь своих пальцев. Главное, смотреть только на Пашу.

– Я не мастер громких слов... поэтому скажу просто от души. – Прочищаю горло и рукой поправляю еще немного влажные после бассейна волосы. – Не все могут похвастаться хорошими отношениями с братьями и сестрами. – Мой взгляд сосредотачивается на Пашкиной улыбке. – Но я мо-

гу себе это позволить. Потому что мне действительно повезло с братом. И я рада, что он у меня есть, – как-то быстро становится сложнее говорить из-за проклятого комка слез, встрявшего поперек горла, однако я продолжаю: – Ты всегда был для меня примером и гордостью. Как бы ни косячил, – срываюсь на смешок, и кто-то проявляет солидарность, присоединяясь ко мне. Это немного придает воодушевления, и я распрямляю плечи. – Ты моя опора. Мой союзник, что бы там ни было, и мой самый... родной человек. И я хочу пожелать тебе богатырского здоровья, чтобы ты еще много-много лет был моей защитой, конечно же, счастья и благополучия, чтобы мое и родительские сердца были спокойны за тебя, а еще я хочу, чтобы твое самое заветное желание сбылось. Ты знаешь, о чем я, – подмигиваю ему, переминаясь с ноги на ногу, и он кивает мне с пониманием и предательским блеском в глазах. Этот блеск усиливается, когда ребята поддерживают нас аплодисментами. Ну вот...

Сделав прерывистый вдох, я заставляю себя продолжить: – Я помню, как однажды после первого и не совсем удачного боя, ты спросил у меня в нашем домике на дереве... Помнишь? Ты спросил, буду ли я тебя поддерживать? – Я неестественно растягиваю губы, готовая вот-вот расплакаться. – Всегда. Я буду поддерживать тебя всегда, Паш. Ты сильный и благородный, великодушный и заботливый, хороший и надежный друг, уверена: когда придет время, ты станешь таким же замечательным мужем и отцом! И я хочу пожелать

тебе, чтобы ты прожил долгую, интересную и яркую жизнь! Ты достоин только самого лучшего! С днем рождения, братишка! – Закусив губу, поднимаю бокал, но, когда Пашка добирается до меня со сдавленным: «Иди сюда, мелкая», – не удерживаюсь от скрипучего всхлипа и прячу лицо на его крепком плече. И алкоголь здесь ни при чем. Я и без него сентиментальная. Вот только я отстраняюсь от брата первой, судорожно ища в карманах тот самый кулек.

Черт, да где же он?!

– Подожди, Паш! – Выворачиваю один. – Я еще не закончила...

А потом я вижу перед собой тот самый замшевый мешочек, лежащий на мужской ладони, и человека, который протягивает мне его. Я оборачиваюсь, и у меня перехватывает дыхание, ведь эта рука принадлежит Айдарову, стоящему за моей спиной. Делаю резкий вдох, и знакомой аромат мужской кожи и играющий на ней шлейф туалетной воды проникают в мои ноздри, вынуждая затрепетать глупое сердце.

– Ты обронила возле бассейна, – сухо произносит Хаким, и я едва успеваю поблагодарить его, как он возвращается на свое место.

Шокированная подобным жестом Айдарова, я на мгновение даже теряюсь, пока не осознаю, что остаюсь под пристальным вниманием нескольких камер, направленных на нас. Только сейчас до меня доходит, что все мое поздравление гости снимали на телефоны.

Отлично.

Нервно улыбаюсь, пряча взгляд на своих руках и подарке, зажатом между пальцев. А потом голос брата возвращает меня обратно.

– Что обронила-то?

– Ах, сейчас... – отмахиваюсь и дрожащими пальцами развязываю мешочек, кое-как вынимая оттуда цепочку. – Я нашла ее несколько лет назад у бабушки, она была не в лучшем виде, но я восстановила ее...

– Сама, что ли? – выплевывает Алабаева, и мне требуется секунда, чтобы повернуться в ее сторону и ответить с милой улыбкой на лице:

– Сама, пару мелочей пришлось докупить, но я все сделала сама. – Не дожидаясь ее комментария, быстро перемещаю взгляд на Пашу. – Это цепочка дедушки. Думаю, пришло время подарить ее. Я помню... вы были очень близки с ним. – Мой голос надламывается, когда я вижу, как дергается горло брата. – Уверена, он был бы рад, если бы ты носил ее ближе к сердцу. И я хочу, чтобы его сильный дух оберегал тебя от всех невзгод.

– Блин, Аля. – Проводит ладонью по лицу. – Ты сегодня испытываешь меня на прочность. – Сдавленный смешок покидает его широкую грудь, после чего он снова обнимает меня, добавляя горячим шепотом на ухо: – Спасибо, сестренка. Это лучший подарок.

Я целую брата в щеку и осторожно надеваю на его шею

цепочку с увесистым крестом, инкрустированным драгоценными камнями.

Паша проводит по ней пальцами и несколько раз проворачивает кулон, рассматривая отделку.

– Тоже сама? – смотрит на меня с озорной улыбкой на лице.

– Ага.

– Так, ну хватит тут сопли разводить! Иди сюда, братан!

Сентиментальный момент заканчивается, и то ли Паша отстраняется, то ли его тащит в крепкие объятия Молотов, к которому следом присоединяется еще несколько друзей, но все вместе они начинают хором кричать «ура» и подкидывать брата в воздух, каждый раз ловя его и подбрасывая снова. В образовавшемся кипише я быстро занимаю свое место и громко выдыхаю, прежде чем чувствую мягкое прикосновение к своему плечу и, обернувшись, замечаю Лизу, усаживающуюся рядом со мной.

– Ты умничка.

– Спасибо, – улыбаюсь, смущенная ее вниманием.

– Я даже прослезилась, – шепотом, – чтоб ты понимала, я не плачу даже во время «Хатико», — хихикает она и, подав жест разливающему, указывает на наши бокалы. – На бру-дершафт? – Лиза подмигивает мне, и я принимаю приглашение, взяв фужер и переплетя с ней руки.

Но так и застываю с поднесенным ко рту бокалом, когда ловлю на себе прищуренный взгляд серо-голубых глаз.

Мгновение, и я выдыхаю, теряя внимание Айдарова так быстро, будто он случайно мазнул по мне взглядом и по какой-то причине задержался. А сейчас он встает из-за стола и вместе с Алабаевой уходит с террасы. Только если он отвернулся, пренебрегая своим вниманием ко мне, то я продолжаю пялиться на него как дура, наблюдая за его широкой ладонью на загорелой пояснице губастой сучки. Ненавижу себя за то, что смотрю на них вплоть до самой бани, где эти двое скрываются за массивной дверью. Я так увлечена наблюдением, что даже не замечаю, как Лиза отстраняется от меня, пока перед моим лицом не появляется ее пустой бокал.

– Э-э-эй? Ты где летаешь, звезда?

Я раскрываю рот, почувствовав себя пойманной врасплох, и, чтобы избежать ненужных расспросов, с горящими щеками поднимаю указательный палец вверх – мол, секунду, а после быстро прикиваю губами к прохладному стеклу, позволяя игристым пузырькам выстрелить в голову и охладить мою разгоряченную кровь. Ну или наоборот. Неважно. Сейчас не думать ни о чем такая большая для меня роскошь, что я повторяю и допиваю остатки шампанского, продлевая этот короткий момент свободы от собственных мыслей. И если мне придется напиться, дабы продолжать веселиться и отдыхать как ни в чем не бывало – так тому и быть.

По крайней мере, я так думаю ровно до тех пор, пока музыка и мелькающие огни не начинают смешиваться в одну размазанную картину. Вот я танцую с Пашей, а вот уже стою

за домом с Лизой, пока она втайне от моего брата курит сигарету, зачем-то я тоже делаю затяжку, и на короткий промежуток все исчезает, а после я каким-то образом оказываюсь в комнате. И почему-то Пашкиной. Да и по фиг. Едва передвигая ногами, я добираюсь до кровати, на ходу стягивая с себя сарафан и бросая его в неизвестном направлении.

А потом натыкаюсь на знакомую вещь и осторожно касаюсь дорогущего дизайнерского пиджака. Прижав его к груди, наклоняюсь и зарываюсь носом в дорогую ароматную ткань. Черт возьми, это пиджак Айдарова. У меня нет сомнений.

Только ему может принадлежать настолько мужественный и чувственный запах, что я не могу оторваться от пиджака. Так и заваливаюсь вместе с ним на тахту, позволяя тяжелой прохладной ткани скользнуть по обнаженной коже. Боже... Изо рта вырывается стон, потому что это мимолетное касание можно спутать с его руками... Или я нарочно представляю их на своем теле, которое слишком быстро охватывает жаром. Черт, я, походу, действительно пьяна, но почему-то снова касаюсь тканью внутренней стороны бедра, представляя, как это же ощущение подарили бы мне его мужественные пальцы.

Мне слишком нравится происходящее, чтобы думать о последствиях. Безрассудность – это все, что у меня есть сегодня, и я, ведомая ею, просовываю руку под пиджак, не прекращая вдыхать запах его хозяина. Мягкая ладонь медленно скользит между ног, туда, где все уже пульсирует и ждет раз-

рядки, накрывая изнывающее лоно теплом, которое он мог бы подарить мне. И это ощущение усиливается, стоит мне представить вместо пиджака самого Айдарова, лежащего на мне сверху. Придавливающего меня тяжестью своего тела. И опаляющего мои губы горячим дыханием. Я сгибаю ноги в коленях и расставляю их шире, проскальзывая пальцами в трусики. Боже, это то, что мне нужно. Тяжело сглатываю, предвкушая, как во мне взорвется подступающий оргазм... Секунда, и я касаюсь напряженного комочка, с тихим стоном выгибаясь дугой, а затем...

Вскрикиваю и быстро свожу ноги, замечая в дверях тень и тут же понимая, кому она принадлежит. За жалкое мгновение мутная пелена разбивается ужасающим осознанием. Айдаров. Бог мой! Это он! Смотрит на меня потемневшим, как ночь, взглядом. С пульсирующими желваками на скулах. А я... я лежу с зажатым между ног пиджаком.

Его пиджаком.

Тут же, как ошпаренная, отбрасываю вещь в сторону и жалею об этом... Потому что остаюсь в одном бикини, и у меня нет сил опустить взгляд и убедиться, что все на месте. Он ведь ничего не видел? Не знаю. Судя по тому, как сжимаются и разжимаются его кулаки, ему что-то не понравилось... Но ответа, конечно же, я не нахожу, а потом Хаким резкими шагами проходит в комнату и направляется ко мне, вынуждая попятиться на тахте назад, вот только, схватив свой пиджак и не сказав мне ни слова, он молниеносно уходит прочь.

Оставляя меня в полнейшем смятении и с горьким чувством стыда. Как он отлично умеет делать...

Глава 2

Какой-то непрекращающийся звук, противным эхом разносящийся вокруг моего затуманенного мозга, становится причиной того, что я заставляю себя хотя бы приоткрыть один глаз. Это точно не будильник. Хуже. Это рингтон, который я когда-то поставила на своего начальника. Вот только я не могу понять, почему он звонит мне в воскресенье. Или оно было? Вчера, например.

Бл*дь! Неужели я проспала на работу?!

И вот это «проспала на работу» бьет по моей голове подобно кувалде. Наверное, поэтому она начинает неумолимо трещать, как только я меняю положение и подрываюсь на кровати.

Резкое движение неотвратимо влечет за собой последствия, и уже в следующее мгновение я зажимаю рот ладонью, с трудом сдерживая взорвавшийся в горле рвотный позыв. Нет, нет, нет... Только не это! Пожалуйста, господи! Только не похмелье! Я обещаю быть хорошей девочкой и больше не пить, только избавь меня от этого ужасного состояния.

Телефонная трель раздается снова, и я осторожно поворачиваю голову в поисках раздражителя. Только когда дотягиваюсь до тумбы и беру телефон в руки, понимаю, что нахожусь в своей комнате.

Что за фигня? Последнее, что я помню, – это то, как я...

Похмельный мозг принимает эстафету под названием «Шерлок Холмс, или сколько бутылок я вчера выпила» и с пробоксовкой начинает восстанавливать хронологическую ленту событий. Правда лента какая-то с дефектом, потому что информации о том, как я оказалась в своей постели, на ней нет, зато отчетливо красуется воспоминание, которое я предпочла бы стереть. Ох, нет. Вот же дерьмо! Мне ведь приснилось то, что я вытворяла с проклятым пиджаком, да? Господи, умоляю, пусть это будет сон, самый кошмарный и отвратительный, но сон! Судя по тому, как все туманно в моей голове, не исключено, что это лишь игра больной фантазии. По крайней мере, мне бы этого очень хотелось!

А потом... я вспоминаю бешеного Айдарова.

Какой стыд!

Нет, я что, правда решила устроить оргию с его одеждой?!

От подобной мысли хочется покачать головой, вот только, сделав это, я слишком быстро жалею: мне кажется, что мой череп напичкан шариками от маятника Ньютона, монотонно стучащими по гудящим вискам.

Я даже не знаю, от чего мне хуже: от злоупотребления алкоголем или от стыдливых воспоминаний...

Бог мой, но ведь так и есть. Я кончила от того, что терлась о гребаную тряпку от «Бриони», вдобавок чертовски хорошо пахнущую им.

Поправочка. Почти кончила. Я была на волоске от...

Черт! Черт! Черт! Он видел!

Потрясающе? Просто великолепно! Если вы хотите автограф от самого «везучего» человека – становитесь в очередь. И я не гарантирую, что она до вас дойдет.

Мучительный стон заглушает непрекращающуюся трель входящего звонка, и я продолжаю игнорировать его, подперев лоб рукой.

Покосившись на мобильник в свободной руке, делаю глубокий вдох, подавляя рвотный рефлекс, и все же отвечаю на проклятый звонок. В конце концов, я уверена, что у меня выходной, иначе не позволила бы себе такую вольность с алкогольем.

– Аля, ну слава богу! – с каким-то облегчением и в то же время раздражением, как и полагается боссу, на другом конце провода раздается голос моего начальника. – Тебе нужно приехать в офис, девочка. И чем скорее, тем лучше.

Из-за жуткого похмелья первым делом мне хочется послать своего директора на хрен! А это, между прочим, добрейшей души человек! Ну и, разумеется, лучший друг моего отца. Поэтому, как бы ни хотела, из побуждений совести не могу потакать своим желаниям.

– И вам доброго утра, Петр Семенович, – хриплю спросонья и морщусь от этого противного звука.

– Доброе утро, Чудакова, закончилось еще в обед. Как и твой выходной.

Боже... Вот где я так согрешила?!

***

Попытка встать на ноги оказывается невыполнимой миссией, и я падаю на спину, обещая себе, что повторю чуть позже. И сдерживаю обещание только по одной простой причине. Это место очень дорого мне, пусть изначально я и попала туда по благу, вот только сейчас у меня есть хорошее образование, ум и опыт, чтобы доказать всем, что я в состоянии оправдать ожидания.

В штат сотрудников меня приняли авансом в восемнадцать, и первые три года моей стажировки прошли в режиме «бессмертный пони». Зато теперь я по праву работаю в одной из лучших строительных фирм города, и не просто работаю, а являюсь начальником маркетингового отдела. Практиковалась я под началом теперь уже бывшей сотрудницы. До моего появления на этой должности много лет работала жесткая руководительница, хватке которой позавидовал бы сам Македонский. Ей палец в рот не клади, откусит не только его, но и всю голову. Думаю, мне повезло попасть в железные и надежные руки завоевательницы маркетинговой сети. Не один раз ее пытались переманить конкуренты и, если бы она думала только о деньгах, согласилась бы в ту же минуту. Но она была похожа на львицу. Верную своему прайду.

Пока однажды не сообщила Петру Семеновичу о том, что по семейным обстоятельствам будет вынуждена переехать в другую страну. Тогда-то он и предложил моему отцу поставить на ее место меня. Как там говорят? Удачное стечение обстоятельств? Да, думаю, это, определенно, оно и было. Но,

прежде чем Екатерина Павловна покинула свой пост, она поделилась со мной всеми хитростями и секретами, и даже сейчас я порой обращаюсь к ней за советом. Наверное, только за счет часовых психологических тренингов с ней мне удалось брать себя в руки, не сдаваться и идти с гордо поднятой головой, игнорируя массу косых взглядов сплетниц, ведь такие есть в любом коллективе, ну а в женском их целый клубок.

Однако подобное меня мало волновало. Я совмещала работу и учебу. Поэтому у меня попросту не было ни времени, ни сил вникать, что именно трепали обо мне в уголках офиса. Я всегда держалась выше этого. Опять же, спасибо Екатерине Палне.

Да, устроилась я и правда удачно, вот только и вкальываю соответствующе. Конечно, в первую очередь мне хотелось, чтобы мой отец гордился тем, кого он воспитал. И я прикладывала все усилия, стараясь оправдать слово, которое папа однажды за меня замолвил. Я просто не имела права его подвести. Но я схватилась за предоставленную возможность не только из-за отца или карьерного роста. Эта работа стала моим единственным спасением в самый переломный момент моей жизни. Лишь благодаря ей я смогла выйти из тени собственных страхов и начать двигаться в нужном направлении. Со временем мне стало нравиться то, что я делаю, за счет этого и достигла хороших результатов, и даже заработала уважение коллег. Тех, чье мнение имеет вес: начальников

отделов и их заместителей. Ну и моего отдела, разумеется. Команда у нас слаженная, поэтому и работать с ними одно удовольствие.

Погрузившись в карусель мыслей, я не замечаю, как беспощадно подкрадывается головокружение и выжимает из меня остатки выдержки, а уже в следующее мгновение срываюсь в туалет к белому другу. После этого мне требуется найти в себе силы, чтобы собрать свое обессиленное тело по частичкам, сходить в душ, а затем привести себя в более-менее рабочий вид и вызвать такси.

Боже, голова так трещит, что даже таблетка аспирина и водичка с лимоном не спасают меня от гребаного похмелья. Мне хочется обратно под прохладный душ, а лучше в ванну. Уж точно не стоять в плюс двадцать девять в пробке. Еще немного, и я растекусь лужицей прямо на сиденье, а прилипшая от пота к спине блуза лишь усиливает мой дискомфорт.

Надуваю щеки и, прижимая ладонь ко лбу, громко выдыхаю, чем привлекаю взгляд водителя в зеркале заднего вида.

– С вами все в порядке?

Посылаю ему натянутую улыбку, как бы говоря: «Все хорошо», – и отворачиваюсь к окну, мысленно проговаривая, словно мантру: я справлюсь, нужно просто дышать. Вот так. Вдох. Выдох.

Вдох. И выдох. Но в конечном счете прибегаю к мятной жвачке.

Спустя два часа я приезжаю в офис, в котором не за-

стаю практически ни одной живой души, кроме охранника и уборщиц, потому что у остальных сотрудников сегодня выходной. Правда, добравшись до нужного этажа, уже на выходе из лифта я сталкиваюсь с раскрасневшимися лицами Владимира, директора по производству, и Юлии, главного бухгалтера. Все происходит так быстро, что они за считанные секунды меняются со мной местами, выталкивая из кабины и бросая напоследок:

– Удачи, Чудакова.

И едва я успеваю открыть рот, как двери лифта закрываются перед моим лицом. Видимо, не у меня одной сегодня утро не задалось.

Недоуменно вскинув брови, я несколько минут стою и моргаю в пустоту, а затем в таком же потерянном состоянии разворачиваюсь и направляюсь в кабинет генерального.

Делаю глубокий вдох, а после стучу в отполированное лаком красное дерево и заглядываю внутрь:

– Петр Семе... – Я замолкаю, когда мой взгляд врежется в мускулистую спину под плотно облегающей белой рубашкой. Вялый от похмелья мозг не сразу, но все же соображает, что этот высокий и широкоплечий мужчина – не Петр Семенович.

Делаю неуверенный шаг и закрываю за собой дверь, все еще разглядывая не того, кого ожидала увидеть в этом кабинете. А стоит ему обернуться, как моя челюсть отвисает чуть ли не до самого пола. Потому что передо мной стоит

Айдаров.

Нет, я не то что согрешила – я задушила самого Сатану, и прямо сейчас он воскрес, влез в деловой костюм от «Хьюго Босс» и стоит передо мной во всем своем великолепии, подпирая крепкими бедрами стол моего директора.

И у меня на языке вертится вполне резонный вопрос: «Какого хрена?»

– Что ты... – мысленно встряхиваю себя. – Что ты здесь делаешь?

Дыхание предает меня, учащаясь и буквально со звуком вырываясь из моей вздымающейся от возмущения груди. Это сон. Тот самый кошмарный и отвратительный! Это просто не может быть правдой. Что он вообще здесь забыл?

– Алевтина, присядь, пожалуйста, – сбоку от меня раздается знакомый голос с возрастной хрипотцой, и, метнув взгляд в сторону, я тут же концентрирую внимание на новом собеседнике.

Петр Семенович.

Громко втянув носом воздух, я мгновение не дышу, позволяя горящим легким остыть. Кажется, еще немного – и я разревусь. Нехорошее предчувствие забивает комом горло. И облегчения от присутствия генерального директора я совершенно не испытываю. Напротив, колени начинают дрожать еще сильнее, потому что увиденное мной выражение его уставшего лица, заставляет мое сердце свернуться в клубочек и забиться в угол, как испуганного котенка.

– Петр Семенович, что происходит? – Я протягиваю руки и, сжав спинку стула подрагивающими пальцами, нервно сглатываю. – Зачем вы вызвали меня в выходной? И что этот человек делает здесь?

Я слишком взволнована и напугана происходящим, чтобы следить за своим голосом, который сейчас подобен жалостливому писку.

– Этот человек... – Петр ослабляет галстук, прочищает горло и складывает руки на столе. – Этот человек – твой новый начальник, Алевтина Александровна.

Мои брови взлетают вверх, а рот распахивается от удивления. Нет, нет, нет...

Я качаю головой, мечтая, чтобы на сегодня похмелье было моей единственной проблемой, однако потрясение, которое я сейчас переживаю, перекрывает все мои чувства. Абсолютно все.

– Петр Семенович, – выходит сипло, – что вы такое говорите?

– Прости, что не сообщил заранее, я думал, что все образуется...

– Заранее? – взрываюсь от возмущения. – То есть это планировалось давно?

– Все началось еще месяц назад.

Месяц. Почему он столько молчал?

– Я не понимаю... – Мотая головой, осторожно присаживаюсь на стул, потому что ноги меня подводят. – Я прошу

вас, Петр Семенович, объясните мне, пожалуйста.

Едва ли не молю генерального, всматриваясь в его лицо в поисках хоть малейшего знака успокоения. Но ни черта подобного. Ни черта, кроме печальной улыбки.

– Мы обанкротились, девочка. – Мое сердце болезненно замирает в груди, когда Петр Семенович прячет взгляд в сторону и проводит по лысине ладонью, прежде чем снова посмотреть на меня: – Я обанкротился и больше не могу выполнять обязательства. Ни перед заказчиками, ни перед сотрудниками. – Следует тяжелый вздох. – Прости, милая, но я вынужден так поступить, – Петр Семеныч оставляет официальный тон. – Эта фирма дорога мне не меньше, чем тебе, Аля, но это бизнес. И здесь выживает сильнейший. Так я смогу хотя бы сохранить рабочие места сотрудникам.

– Нет! – Хлопаю ладонями по столу и вскакиваю на ноги, дрожа каждой клеточкой тела. – Не говорите этого! – Мой голос вздрагивает. – Мы что-нибудь придумаем...

– Аля, послушай меня внимательно, – Петр обрывает мои взволнованные возгласы, качая головой. – В пятницу ночью на складе произошло возгорание... сгорели все стройматериалы. – Боже! – Это и стало последней каплей. Уйдет слишком много времени на повторные заказы, мы просто не успеем уложиться в срок. Затянем сдачу объектов, и дольщик сразу подаст иск в суд. – Грустная ухмылка падает тенью на лицо директора. – А он подаст в любом случае, потому что у меня нет средств закончить его заказ к нужному сроку. Так

же, как и найти новые инвестиции. – Он делает спокойный вздох и облакачивается на стол, продолжая вкрадчивым тоном: – Этот молодой человек не враг нам, девочка. Поверь, я отдаю вас в хорошие руки.

Хорошие руки? Он отдает нас в руки исчадия ада!

Глаза застилает мутная пелена слез, мне приходится сесть обратно и зажмуриться, чтобы уничтожить их. Если такое возможно.

– На мой счет не переживай, я свое отработал...

– Не надо успокаивать меня, Петр Семеныч, – шепчу, потупив глаза на сложенные в замок руки. – Неужели нельзя ничего сделать? – поднимаю голову и впиваюсь умоляющим взглядом в своего начальника – настоящего, а не самозванца.

– Можно. Я и делаю. Хаким Тазиевич недавно на рынке, но имеет хорошие возможности и перспективы. Лишь объединив все ресурсы, мы сможем достигнуть общей цели. У него есть деньги, у меня – хорошие сотрудники. Совместными усилиями вы повысите конкурентоспособность, а также увеличите прибыль, закончив все незавершенные объекты.

– Но... – Прикусываю язык, едва сдерживая эмоции. – Но ведь вам необязательно покидать пост. Если вы объединяете, значит...

– Аля, – Петр снова перебивает вспыхнувшую в груди надежду. – Не нам ставить условия.

Втягиваю воздух, едва ли не царапая ногтями стеклянную поверхность стола. Не нам... Ну разумеется!

– Алевтина Александровна, Петр сообщил вам не все новости, – официальным тоном вмешивается Айдаров, заставляя трепет беспокойства в моем животе усилиться. А затем я замечаю сбоку от себя тень – мерзавец вольготно присаживается на край стола. Сердце проваливается куда-то в живот. Становится душно и сложно дышать. Он слишком близко, чтобы я смогла безболезненно выдержать его присутствие. И я убеждаюсь в этом, когда с трудом сглатываю и поднимаю взгляд, встречаясь с бездушной серостью проклятых глаз. – Существует такая вещь, как консорциум, который подразумевает под собой объединение нескольких компаний в одну, а следовательно, и объединение их структур управления.

Я не понимаю, к чему он ведет, поэтому молчу и жду, когда циничный ублюдок продолжит выносить приговор мне, пока, сама того не желая, втягиваю носом аромат его парфюма, по-особенному играющего на бронзовой коже этого сноба. Сейчас я мечтаю, чтобы мое обоняние атрофировалось. Мне не может нравиться запах столь подлого человека.

– Я никого не увольняю только по просьбе Петра Семеновича, поэтому ты всего лишь получаешь должность ниже рангом и более опытное начальство.

Удар приходится прямо мне в грудь, проламывая ее насквозь и долетая острой пикой в уязвимое от боли сердце. Зачем он это делает?

– Если тебя что-то не устраивает, бумага и ручка помогут найти тебе выход из положения.

Глаза уже горят от плотины слез, которая их застелила, но я держусь из последних сил.

– Петр, вы свободны. – Айдаров разрывает со мной зрительный контакт, но я продолжаю смотреть на его горло, мечтая воткнуть в него карандаш. – Завтра мой юрист приедет для оформления документации. – Я слышу, как ножки стула скользят по паркету, а затем вижу, как Хаким прощается, едва кивая моему директору. Жаль, что в этот момент у меня не хватает мужества обернуться. А когда шаги за закрывшейся дверью стихают, слеза все-таки ускользает, и я быстро вытираю ладонью щеку. Конечно, кое-кто не упускает это из вида, и следом надо мной раздается холодное:

– Можешь поплакать, заявление знаешь, как заполнять. – Айдаров отталкивается от стола и заходит мне за спину, и тут я чувствую, как жар его тела начинает пульсировать в районе моих лопаток. – На всякий случай предупрежу: лучше не будет, самое время подумать о правильности своего решения.

Раздраженно подсакиваю на ноги и стремительно разворачиваюсь к подонку, вот только из-за того, что не ожидаю столь близкого столкновения, мой голос звучит не так твердо, как хотелось бы:

– Я поплачу, хоть каждый день буду слезами умываться, но заявления, Хаким Тазиевич, вы не дождётесь.

Его губы кривит циничная ухмылка.

Лучше не будет, это уж точно.

– Тогда завтра жду вас в офисе к семи, Алевтина Александровна. И будьте любезны явиться без шлейфа вчерашней ночи.

Открываю рот и тут же закрываю его, я совершенно позабыла о том, что сегодня нахожусь не в лучшем виде.

Убедившись, что его замечание оказало должный эффект, Хаким обходит меня и по-хозяйски направляется к двери, но не для того, чтобы уйти – чтобы открыть ее для меня.

О, в одном желания у нас сходятся. Не дожидаясь любезностей, я срываюсь с места, но останавливаюсь, когда слышу:

– На будущее – лучше съешь шоколадную конфету. Мята лишь усиливает запах перегара.

Жар стыда впивается зубами в мою шею и, раздирая ее в клочья, добирается до щек. Тяжело дыша, я вскидываю взгляд и пронзаю им самодовольное лицо с идеальной щетиной. Я хочу убить его.

– Я могу идти, Хаким Тазиевич?

В глазах Айдарова загорается предупреждающий опасный блеск, а уголки жестких губ чуть дергаются вверх.

– Поблажек не будет, Чудакова. Так что подумай, готова ли ты сохранять профессионализм, работая подо мной.

Смутившись из-за формулировки последнего высказывания, я быстро сглатываю и отвожу взгляд в сторону. Чувствую себя собачкой, запертой в клетке со львом.

– Надеюсь, вашего профессионализма хватит, чтобы подать мне пример.

Тут же закусываю нижнюю губу и крепко сжимаю кулаки, жалея о сказанном.

– Тебе не о чем переживать, Алевтина. Хороших сотрудников я уважаю и отношусь к ним подобающе. К тому же теперь ты моя подчиненная. – Айдаров нарочно сокращает расстояние и наклоняется: – Можешь не переживать, Олененок, ты для меня всего лишь рядовой сотрудник.

С этими словами я ретируюсь из кабинета, как никогда нуждаясь в глотке свежего воздуха, опасаясь, что иначе аромат его парфюма вьется в мои легкие, как ржавчина от коррозии.

Олененок... Лишь однажды я слышала от него это прозвище... Он издевается надо мной.

Боже... во что я вляпалась?

Дальше день становится еще хуже. Мало того, что из-за пробок я дольше добираюсь до дома, так вдобавок к этому мне, пребывающей в полуамебном состоянии, приходится участвовать в уборке территории после ночных гуляний. Но я делаю это не только потому, что сама была соучастницей, а еще потому, что ни на секунду не хочу оставаться наедине с собой. Я не хочу думать о том, что сегодня произошло. Для этого у меня будет завтра. И послезавтра... и после-после-после, пока чудовище, назвавшееся моим новым боссом, не выпьет всю мою кровь.

И что-то подсказывает мне: Айдаров будет растягивать это удовольствие. Из вредности.

Закончив уборку, я кое-как доползаю до душа, лелея надежду, что именно он станет моим спасителем, но тщетно. Ведь, как только я заворачиваюсь в полотенце и падаю на кровать с телефоном в руках, мое облегчение от водных процедур смывает новостная лента в социальной сети.

А если быть точнее – фотография, на которой рука Кости-все-еще-моего-парня лежит на бедре какой-то девки. И нет, это не подруга девушки Стаса. Я не знаю ее, однако легче мне от этого не становится. Возможно, причина еще в том, что из одежды на них лишь банные полотенца, прикрывающие не так-то много, ну или в том, что голова моего пока еще парня лежит на ее потных от пара сиськах. Мне вот интересно: он действительно думал, что это фото не появится в сети и я не увижу его, или ему просто по фиг?

Ответ приходит слишком быстро.

Следом они же, но уже на улице в компании Стаса и его девушки. И все бы ничего, но барышня, на чьих сиськах на предыдущем фото лежала голова Кости, теперь сидит на коленях моего парня, а его рука прячется под футболкой этой незнакомки... Что-то неприятное пробирается под ребра, прямо к моему сердцу, намереваясь причинить ему боль.

Делаю глубокий вдох, прежде чем эмоции достигают своего пика. Я больше не в силах их удерживать, и прямо сейчас они колючими волнами разбиваются где-то внутри меня. На самом дне души. Там, где их не достать. Разрушают мою броню кирпичик за кирпичиком. И нет, нет у меня к этому

человеку глубоких чувств, ну не успела я его полюбить, чтобы вот так на разрыв. Так почему же тогда так больно?

Настолько, что жжение захватывает горло, безжалостно поднимаясь вверх, к носу и глазам, которые уже начинает щипать в преддверии слез. Ощущение неизбежности становится моей константой. Нарастающий в горле ком душит меня. Только на этот раз причина не в тошноте, преследующей меня весь день, а в ревности, что с каждой секундой прожигает меня.

Да, это именно она, гребаная ревность.

Вот какого черта он себе позволяет? И почему я все еще продолжаю листать и рассматривать эти проклятые фотографии? Нарочно ведь ищу его...

Разбитая предательством парня, быстро смахиваю пальцем по экрану и закрываю приложение, обессиленно роняя руку с телефоном себе на живот.

Ладно. Допустим, ко мне приехать он не смог, пускай пообещал друзьям. Ладно! Это я принимаю! Но то, что я увидела на тех фото... Обреченно качаю головой. Ну вот зачем Костя все испортил? Ведь можно было просто позвать меня с собой. Хотя бы ради приличия, тем более что Стас был со своей девушкой.

Конечно, в день рождения брата я бы никуда не поехала, к тому же пару раз уже бывала в той компании и, если честно, сама не горю желанием повторять столь «приятное» времяпрепровождение. Порой я даже задаюсь вопросом: почему

он? Почему я выбрала этого парня? Или чем я смогла привлечь внимание такого дерзкого экземпляра? Мы ведь абсолютно разные. От слова совсем. Он – живущий одним днем с девизом хиппи из семидесятых: «Секс, наркотики и рок-н-ролл», и я – чопорный трудоголик. Но потом вспоминаю наше знакомство, когда впервые в жизни обстоятельства сложились так, что я согласилась на предложение незнакомца подвезти меня до дома. После той встречи он сам нашел мой номер.

Так и начались наши непрерывные ночные переписки. Наверное, я подседа на такого парня, как Костя, потому что в тот период моей жизни мне не хватало острых ощущений, которые я сполна получала от него. Сейчас, вспоминая об этом, тихо признаюсь себе, что скучаю по тем моментам и эмоциям, а еще понимаю, что наедине со мной Костя другой. И я более чем уверена, что его друзья влияют на него не самым лучшим образом.

И все же это не оправдание... Костя даже не попытался уговорить меня провести с ним время. Плевать на его компанию. Он просто не мог так поступить со мной. Кажется, сейчас я отчетливо понимаю, как относятся эти друзья ко мне, девушке Кости. А может... он и сам выставляет меня такой перед ними. Боже... какие глупости. Все намного проще. И, как бы неприятно мне ни было это осознавать, Завгородний сам не хотел, чтобы я присутствовала на их тусовке. Так зачем тогда вообще нужны эти отношения, если я настолько

не вписываюсь в его компанию? Он теперь всякий раз будет лапать других баб, только потому что не может позвать меня с собой?

Если бы только лапать...

Так!

Хватит об этом думать. Все. Не вписываюсь, так не вписываюсь, невелика потеря.

У меня и так не было настроения звонить Косте, а теперь и подавно. Ай! К черту Завгороднего! Хотя бы на сегодня. К черту их всех! И с этими мыслями я ставлю будильник на пять, а затем включаю авиарежим на телефоне и с головой накрываюсь одеялом. Завтра ранний подъем, мне нужно выспаться и набраться сил. В конце концов, есть кое-что похуже, чем неприятности в отношениях, их хотя бы можно решить. А вот появление в моей жизни нового босса – проблема из серии «миссия невыполнима»...

***

Следующий день оказывается таким же дерьмовым, как и предыдущий. Без пятнадцати семь. Твою мать! Мои каблукки отстукивают предсмертный марш. Гребаное такси я еще двадцать минут назад оставила в проклятой беспросветной пробке. У меня есть пятнадцать минут, чтобы подняться на двадцать пятый этаж и добраться до своего рабочего места, пока Сатана не приступил к обезглавливанию неисполнительных сотрудников.

Подчиняясь инстинкту самосохранения, я ускоряю шаг, одновременно проклиная долбаные шпильки, сейчас напоминающие два сверла. Спустя пять минут, подобно порыву шквалистого ветра, я наконец влетаю в офисное здание. На ходу бросаю взгляд на наручные часы. Без десяти. Черт! Не глядя, здороваюсь с охранником на пропускном пункте и каким-то чудом умудряюсь втиснуться в переполненный лифт.

Блин! Я наступила кому-то на ногу...

Сделав судорожный вздох, неуверенно оборачиваюсь и встречаюсь с осуждающим женским взглядом за стеклами очков в красной оправе, сидящих на кончике длинного, но изящного носа. Если бы она могла, то заклевала бы им. И то, как эта женщина продолжает смотреть на меня, лишь подтверждает мои мысли.

Бубню невнятное извинение и робко улыбаюсь незнакомке, которой в спешке наступила на носок туфли. Закусив изнутри губу, жду, что на меня посыплются проклятия, однако ничего подобного не происходит, а когда наши гляделки заканчиваются, она прочищает горло и ухоженными пальцами тянется к дисплею с цифрами этажей. В этот момент я тайком выдыхаю, испытывая облегчение оттого, что неловкая ситуация вроде как исчерпана, и теперь единственное, о чем я мечтаю: чтобы двери лифта как можно скорее открылись. И желательно на двадцать пятом этаже.

Вот только, стоит мне выйти, тревога лишь усиливается. И не только у меня.

– Аля, привет! – Подбегает ко мне испуганная Нина, моя помощница, правда уже бывшая, потому что теперь мы на одной должности. – Я так рада тебя видеть, не понимаю, что происходит... – она запинается, еле поспевая за моим быстрым шагом. – Ты в курсе, что Петр Семенович...

– Привет, в курсе, Нин. – Не хочу показаться грубой, но сейчас я не в лучшем расположении духа. – Давай позже поболтаем. Мне нужно...

Я осекаюсь на полуслове, когда случайно натыкаюсь взглядом на Айдарова, который увлечен беседой с двумя мужчинами. Сейчас я бы отдала душу дьяволу, лишь бы проскочить мимо офисного Сатаны и спрятаться в своем кабинете. На весь день погрязнуть в бумажной волоките или еще каких-либо рабочих делах – неважно, главное, чтоб не видеть его. Но боюсь, что у меня больше нет кабинета. И встреча с новым боссом неизбежна... Словно почувствовав мое присутствие, Айдаров поворачивается и за жалкую секунду находит меня строгим взглядом. Какого-то черта я замедляю шаг и наблюдаю, как уголок его губ дергается в тихой насмешке, когда он постукивает пальцем по дизайнерским часам на широком запястье.

Ну конечно.

Пять минут восьмого.

***

Уже целый час я игнорирую вибрацию в кармане, так как

сиджу в конференц-зале вместе с остальными коллегами, среди которых, разумеется, появились новые лица, и слушаю Сусанну Валерьевну. Теперь она вице-президент нашей компании. По крайней мере, так ее представил мой новый босс. Ну и по классике жанра это, конечно же, та самая женщина, носок чьих дизайнерских – как успела разглядеть – туфель я отдала в лифте. А по тому, как она изредка царапает меня своим взглядом, могу смело сказать – я уже в числе «любимчиков».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.